

Сара Джаффе

**Дорогие
коллеги**

**Как любимая работа
портит нам жизнь**

Individuum, 2023

Перевод
Константина
Митрошенкова

УДК 316.3
ББК 60.54
Д40

Джаффе, Сара.

Д40 Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь / Сара Джаффе (пер. с англ. К. Митрошенкова). — М.: Индивидуум, 2023. — 528 с.

ISBN 978-5-6048297-8-3

Вы много раз слышали обращение «дорогие коллеги» и совершенно точно знаете уровень своего дохода. Однако во что вам по-настоящему обходится ваша работа? Журналистка и исследовательница истории трудового движения в США Сара Джаффе рассказывает, как в наших профессиональных отношениях проявляются фальшивая забота, кризис семьи, история рабства и никуда не исчезающая классовая борьба, и объясняет, чем так вреден миф о любви к работе.

Где проходит граница между работой и жизнью? Как представление о любви к труду позволяет манипулировать людьми и что поможет безошибочно распознавать эксплуатацию? Какие уроки мы можем извлечь из истории активизма в защиту трудовых прав? Чем солидарность может помочь нашему обществу перед лицом автоматизации труда и исчезновения сотен профессий? Книга Сары Джаффе даст возможность понять, как не стать жертвой эмоционального выгорания и что нужно сделать, чтобы вековые мечты о работе как о призвании не остались просто мечтами.

УДК 316.3
ББК 60.54

© Sarah Jaffe, 2021.

First published 2021 by Bold Type Books,
an imprint of Hachette Book Group

© Константин Митрошенков, перевод, 2023

ISBN 978-5-6048297-8-3

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Оглавление

Введение. Поздравляем с началом рабочей недели 9

Часть I. Так называемая любовь

Глава 1. Продукты распада: семья 35

Глава 2. «Ты нам как родная»: работа по дому 79

Глава 3. «Мы бастуем, потому что нам не все
равно»: учителя 115

Глава 4. Обслуживание с улыбкой: розничная
торговля 152

Глава 5. Пострадать за благое дело: некоммерческие
организации 187

Часть 2. Получай удовольствие!

Глава 6. «Моя студия — весь мир»: сфера искусства 233

Глава 7. В надежде получить работу: стажировки 275

Глава 8. «Пролетарии умственного труда»:
академический мир 305

Глава 9. «Плауго любви»: технологическая сфера 349

Глава 10. Всего лишь игры: профессиональный
спорт 385

Заключение. Что такое любовь? 423

Благодарности 443

Примечания 451

Мелиссе и Питеру

Поздравляем с началом рабочей недели

Я люблю свою работу.

Строго говоря, постоянной работы у меня нет. Я безработная уже несколько лет с того момента, как ушла из журнала, нанявшего меня штатным автором сроком на год. С тех пор я с переменным успехом зарабатываю себе на жизнь как журналист-фрилансер. Путешествую, делаю репортажи, иногда выступаю на публике, но в основном пишу. Я встречаю удивительных людей и рассказываю их истории миру, и это занятие позволяет мне обеспечивать себя — по крайней мере на сегодняшний момент.

А еще я зарабатываю на 15 тысяч долларов в год меньше, чем в среднем женщины моего возраста и уровня образования¹.

Моя жизнь — наглядный пример того, как устроен рынок труда в современной экономике. Я гибкая и могу работать за ноутбуком, перемещаясь из кофейни в кофейню по всей стране, а иногда и по всему миру. У меня нет работодателя, который платил бы за мою медицинскую страховку, и я напрочь забыла о пенсионном обеспечении. Отпуск? Что это? У меня нет ничего из того, что раньше было символами стабильной жизни

взрослого человека, — ни семьи, ни собственности, только собака. (С другой стороны, нет у меня и начальства.)

Но эта книга не обо мне. Она о миллионах людей по всему свету, которые существуют в таких же или похожих условиях, даже если им удастся найти старую добрую работу на полную ставку. Многие составляющие того, что раньше называлось «гарантией занятости», сейчас исчезли, растворились в воздухе. Как напоминают нам авторы многочисленных статей и книг на эту тему, мы страдаем от усталости, выгорания, переработок и невозможности найти баланс между работой и личной жизнью (а то и просто найти время на личную жизнь).

В то же время мы слышим о том, что работа должна приносить удовлетворение, удовольствие, даже радость. Предполагается, что мы работаем потому, что любим свою работу: и в такой ситуации вроде бы вообще нельзя жаловаться на то, что ваш труд обогащает других людей, пока вы еле сводите концы с концами и не можете найти время посидеть с друзьями.

Как это часто происходит в эпоху позднего капитализма, фраза «выбери себе работу по душе — и ты никогда не будешь работать», которая первоначально фигурировала в мотивирующих постах в соцсетях, теперь превратилась в своего рода народную мудрость. Принято считать, что она справедлива по отношению к людям всех времен и народов, в том числе и к нашим пещерным предкам, которые, полагаю, *действительно получали удовольствие* от охоты на мамонтов и других подобных занятий. Но вместо того чтобы «никогда не работать», мы вынуждены работать больше, чем когда-либо прежде, и быть на связи даже в нерабочие часы. Все это становится причиной стресса, тревожности и одиночества. Короче говоря, «любовь к работе» — это откровенное надувательство².

Однако идея о том, что мы должны любить свою работу, появилась относительно недавно. В прежние времена считалось, что работа, грубо говоря, — отстой, и что люди вовсе перестали бы работать, будь у них такая возможность. Начиная со времен феодализма и заканчивая последними десятилетиями XX века, правящий класс обычно жил за счет своего богатства. У древних

греков были рабы и *banausoi*^{*}, которые трудились и тем самым давали высшим классам возможность посвящать свое время досугу и общественным делам. Если вы читали романы Джейн Остин и задавались вопросом о том, на что живут ее персонажи, которые ничем особо не занимаются, кроме бесед о том, кто на ком женится, то вы понимаете, о чем я говорю. Богатые не работали, за них это делали другие люди³.

Начиная с 1970–1980-х годов ситуация начала меняться. Современный класс собственников не только работает, но и превращает свой упорный труд в фетиш. Однако по-настоящему серьезно изменилась жизнь тех, кто не зарабатывает миллионы. Теперь нас заставляют поверить, что работа сама по себе достойна любви. Если мы вдруг вспомним, для чего работаем на самом деле — чтобы иметь деньги на оплату счетов, — то удивимся, почему же мы так много вкалываем, но так мало получаем...⁴

Дискуссии о том, должна ли работа приносить удовольствие, ведутся уже давно. В XIX веке социалист и художник Уильям Моррис выделил «три надежды», оправдывающих необходимость трудиться: «надежду на отдых, надежду на продукт труда и надежду на наслаждение самой работой». Моррис признавал, что сама идея о том, что работа может приносить удовольствие, покажется странной большинству читателей. Однако он утверждал, что виной всему порожденное капитализмом неравенство, которое обрекло рабочих людей на занятие «бесполезным трудом», приносящим выгоду неработающим богачам. Современная промышленность отняла у ремесленников те крупницы независимости и власти, что были у них прежде, превратив их во взаимозаменяемых роботизированных наемных работников. Никого не интересовало, любят ли пролетарии свою работу, ведь у них не было возможности выбрать⁵.

При этом пролетарии изо всех сил старались избежать работы. На заре рабочего движения его требования в основном сводились к тому, чтобы *меньше* трудиться: активисты добивались

* В античной Греции — низший класс работников, включавший чернорабочих, квалифицированных ремесленников и торговцев. — *Прим. авт.*

уменьшения продолжительности рабочего дня (сначала до 12, потом до 11, потом до 10, потом до 8 часов) и увеличения числа выходных. Забастовка, главное оружие рабочих, по сути представляет собой отказ от работы. Некоторое время рабочие довольно эффективно использовали это оружие, добившись сокращения рабочего дня и недели, а также увеличения заработной платы. Капиталисты пошли на уступки, чтобы сохранить прибыль, но одновременно стали искать новые, более эффективные, чем применение грубой силы, стратегии обуздания рабочих⁶.

Индустриальному рабочему классу предложили пряник — то, что часто называют «фордистским компромиссом» — как нетрудно догадаться, в честь Ford Motor Company и ее владельца Генри Форда. Рабочие обязались посвящать значительную часть своего времени работе на босса (но в пределах разумного — как правило, речь шла о пяти восьмичасовых рабочих днях в неделю), а взамен получали достойную зарплату, медицинское обеспечение (в США его предоставляла компания, в других странах — государство), иногда и оплачиваемый отпуск с пенсией. Именно «надежда на отдых», говоря словами Морриса (а еще надежда хотя бы на финансовое вознаграждение, если уж о контроле над продуктом труда приходилось забыть), дала рабочим возможность обеспечивать себя и даже свою семью, наслаждаясь жизнью в свободное от работы время⁷.

Возможно, некоторым моим читателям, выкраивающим время для чтения, пока они проверяют почту или ждут вызова на следующую смену, трудно представить себе такой образ жизни. Безусловно, его не стоит романтизировать. Рабочие зачастую занимались изнурительным и одновременно однообразным трудом. Кроме того, они часто так сильно уставали, что толком и не могли насладиться отдыхом, который им так нелегко доставался. Но благодаря фордистскому компромиссу стал возможен недолгий период стабильности, продлившийся с окончания Великой депрессии до 1960-х годов, и по этой стабильности мы тоскуем до сих пор.

Как и большинство компромиссов, фордистская сделка оставила обе стороны недовольными. С одной стороны равновесие

поддерживалось постоянными забастовками рабочих, с другой — непрекращающимися попытками боссов пересмотреть условия сделки. В благополучные времена, когда прибыли были достаточно высокими, чтобы делиться ими, класс собственников более или менее соглашался мириться с условиями договора, но все изменилось в 1970-е годы, когда грянул кризис. «К 1970-м годам динамизм, который система демонстрировала в послевоенные годы, сошел на нет, что было связано с многочисленными политическими вызовами и институциональным склерозом*», — объясняет экономист Джеймс Мидуэй. Чтобы решить проблему, капитал усилил давление на трудящихся. Компании стали переносить производства в те страны, где могли позволить себе платить рабочим лишь жалкую часть того, что получали их коллеги в США или Великобритании. Продолжительность рабочего дня начала расти, доходы — снижаться. Стало появляться все больше семей, где работали оба родителя, теперь у них не оставалось времени на домашние дела⁸.

К 2016 году число рабочих мест в промышленности США сократилось настолько, что Дональд Трамп решил сделать фразу «Make America Great Again» («Вернем Америке былое величие») своим предвыборным лозунгом. В 2017 году, после того как он стал президентом, я посетила завод компании *Carriger* в Индианаполисе. Предприятие, которое должно было закрыться в 2016 году, сыграло ключевую роль в предвыборной кампании Трампа, обещавшего вернуть «хорошие» рабочие места. После победы на выборах он вновь появился на заводе *Carriger*, чтобы объявить, что «миссия выполнена», и похвастаться рабочим, что ему удалось предотвратить закрытие предприятия. Однако, приехав в Индианаполис, я обнаружила, что завод *Rexnord*, расположенный по соседству с *Carriger*, закрывается. Его сотрудников президент визитом не почтил, и они лишились своих рабочих мест.

* Термин, введенный экономистом Мансуром Олсоном, обозначает ситуацию, когда из-за конфликтов внутриэлитных групп интересов экономический рост не отражается на благосостоянии населения — или отражается в недостаточной степени. — Здесь и далее примечания редактора и переводчика, если не указано иное.

То же самое произошло с работниками предприятия General Motors в Лордстауне, штат Огайо, закрытого в марте 2019 года.

Рабочие, с которыми я разговаривала в Индианаполисе и Огайо, не хотели, чтобы их заводы закрывались, но никто из них не идеализировал свою работу. Они устроились на эти предприятия ради денег, а не ради самореализации. Они хотели иметь возможность отдыхать на выходных и платить аренду за свой дом. Когда я спросила, чего им будет не хватать после закрытия завода, никто не упомянул саму работу: они говорили о коллегах, которые стали им почти как родные, о посиделках в баре после смены и чувстве солидарности, возникшем благодаря активной профсоюзной деятельности (именно из солидарности в 2019 году они присоединились к забастовке сотрудников General Motors, хотя их собственное предприятие к тому моменту уже несколько месяцев как не работало). Но в основном они говорили о деньгах — о том, что потеря работы со ставкой 26 долларов в час (плюс сверхурочные) сильно скажется на их уровне жизни.

Неподалеку от завода Carrier высятся распределительные центры Amazon и Target. Вероятно, именно туда устроятся некоторые бывшие заводские рабочие. Сегодня работа в распределительном центре или на складе стала синонимом несчастья. Работникам приходится мочиться в бутылки, потому что им не разрешают слишком часто отлучаться в туалет, и горстями закидывать в рот ибупрофен, чтобы справиться с болями и недомоганиями. Ко всему прочему начальство следит за ними при помощи GPS-трекеров. При этом компания, опровергая информацию об адских условиях труда, описанных журналисткой Эмили Гундельсбергер, хвалит своих «усердных сотрудников» за то, что их «амбициозность и преданность своему делу обеспечивают клиентам Amazon обслуживание самого высокого уровня»⁹.

Глобальная пандемия коронавируса лишь сделала невыносимые условия труда еще более заметными. Число людей, занятых в промышленности, сократилось по всему миру, но многие из них по-прежнему работают за гроши и без защиты профсоюзов. Женщины и дети трудятся в смертельно опасных условиях во многих странах, в том числе в Бангладеш, где в 2013 году в результате

обрушения здания швейной фабрики «Рана-Плаза» погибли 1134 человека и еще более 2000 пострадали. Условия труда на швейных фабриках в Бангладеш (или на заводе Foxconn в Китае, где собирают айфоны) варьируются от тяжелых и изнурительных до смертельно опасных. Мало кому придет в голову, что рабочие на таких предприятиях могут любить свою работу. Однако в редких случаях, когда там проходят проверки, рабочих заставляют улыбаться инспекторам¹⁰.

Многие журналисты воспроизводят стереотипы и пишут о шахтерах и заводских рабочих как об основном электорате Трампа, тем самым сильно романтизируя их труд, который был и остается невероятно тяжелым. Джордж Оруэлл писал, что шахты города Уиган, расположенного неподалеку от Манчестера, «подобны аду (по крайней мере моему представлению о преисподней)». Работники General Motors на заводе Linden в Нью-Джерси рассказали социологу Рут Милкман, что их предприятие «напоминает тюрьму»; их коллеги из Лордстауна назвали менеджмент завода «маленьким СС или гестапо». Чаки Денисон, недавно вышедший на пенсию с предприятия в Лордстауне, говорил мне, что «на заводе, по сути, шла война против рабочих». По словам Милкман, если их работу и можно было назвать «хорошей», то только благодаря профсоюзу, а условия труда сами по себе были «безжалостными и бесчеловечными»¹¹.

Стандартизация и усиление контроля превратили рабочих во взаимозаменяемые шестеренки — настолько взаимозаменяемые, что сегодня компания может с легкостью закрыть предприятие в Индианаполисе и открыть его в Мексике или Бангладеш, где рабочая сила дешевле, или же полностью заменить рабочих машинами.

Но автоматизация, аутсорсинг и вывод производств за пределы США и Западной Европы изменили сам характер труда в богатых странах. Как ни странно, эти процессы привели к тому, что работодатели стали требовать от работников тех самых человеческих качеств, которые столь старательно истреблял промышленный капитализм. Работодатели пытаются эксплуатировать наш творческий потенциал, умение взаимодействовать с людьми

и равнодушие — все эти качества они требуют задействовать в работе. Предполагается, что так она станет менее невыносимой, но в действительности благодаря этому она лишь глубже проникает во все сферы нашей жизни¹².

Текущая ситуация порождена политическим проектом, известным как неолиберализм, постфордизм или «поздний капитализм». Как объясняет политический философ Асад Хайдер, «неолиберализм... в действительности представляет собой два вполне конкретных явления: во-первых, контролируемую государством реструктуризацию социальной, политической и экономической сфер, ставшую реакцией на кризис послевоенной капиталистической системы, и во-вторых, идеологию формирования рыночных отношений при помощи социальной инженерии». Успех второй части проекта зависел от того, удастся ли переформатировать стремление к освобождению, выраженное политическими и общественными движениями 1960–1970-х годов, и переопределить понятие «свобода», сместив акцент с его позитивной составляющей (свобода для чего-то) на негативную (свобода от чего-то). Неолиберализм внушает нам идею, что все необходимое и желанное в этом мире нужно покупать¹³.

Неолиберализм возник не на пустом месте: его появление стало следствием решений, принятых победителями в политической борьбе. Эти победители реорганизовали государство так, чтобы повсюду насадить конкуренцию, обеспечить соблюдение прав частной собственности и защитить индивидуальное право на накопление. Государственные службы отдали на откуп частным спекулянтам. Граждан сделали потребителями. Свобода уже рядом, утверждали неолибералы, вам осталось только ее купить¹⁴.

Неолиберализм зародился в Чили в 1973 году, когда Аугусто Пиночет свергнул демократического социалиста Сальвадора Альенде и начал силовыми методами перестраивать экономику, получая рекомендации от американских советников. В том же году разразился нефтяной кризис, в экономике произошел глобальный спад, стоимость ценных активов рухнула. У капитализма начались проблемы: безработица и инфляция росли, а общественные

движения требовали перемен. На этом фоне Пиночет репрессиями и пытками расчищал дорогу неолиберализму, прикрываясь заявлениями о приверженности ценностям «свободы»¹⁵.

В основе неолиберального проекта лежало насилие, но это не помешало ему распространиться из Чили по всему миру при поддержке правительств демократических стран. Маргарет Тэтчер, ставшая премьер-министром Великобритании в 1979 году, поставила своей целью сокрушить профсоюзы и саму идею солидарности. Она приватизировала объекты коммунальной инфраструктуры и государственные предприятия, а социальное жилье распродала частникам. Малоимущим тэтчеризм предлагал негативную солидарность — возможность наблюдать за тем, как сворачиваются программы социального обеспечения, снижается уровень жизни окружающих, а также утешать себя жестокой мыслью, что у них-то все еще не так плохо, как у соседей. «Экономика — это метод. Цель — изменить душу», — говорила Тэтчер¹⁶.

Другое, возможно, самое знаменитое высказывание Тэтчер — о том, что «у нас нет альтернативы», было сделано в момент, когда коммунизм еще подавал признаки жизни, а в большинстве европейских стран были сильны социал-демократические партии. Но идея TINA (англ. «There is no alternative») легла в основу того, что британский теоретик Марк Фишер называл «капиталистическим реализмом», — представления, что капитализм — единственно возможная форма мироустройства. Неолибералы опираются на эту идею даже в периоды кризисов — более того, в такие моменты они особенно активно за нее цепляются¹⁷.

В результате «шоковых» мер, которые были предприняты в 1980 году главой Федеральной резервной службы США Полом Волкером, ограничившим денежную массу и повысившим процентные ставки, разорились десятки тысяч компаний. В городах вроде Янгстауна, штат Огайо, работы лишилось более одной пятой населения. Приятель Тэтчер Рональд Рейган, выигравший в том же году президентские выборы, пошел по ее стопам, снизив налоговые ставки и разгромив профсоюз авиадиспетчеров. Экономический и политический кризис 1970-х годов запустил процесс деиндустриализации, а Тэтчер, Рейган и Волкер как следует